

УДК 141.82:141.81

УТОПИЗМ И МАРКСИЗМ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ

Д.Е. Мартынов

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения утопического и научного социализма в контексте тенденций современного обществоведения. Марксизм создавался в середине XIX в. как научное социалистическое учение, противопоставляя себя утопическому социализму. Политическая практика обществ первой половины XX в. показала, что марксизм имел потенции развития только как утопическая идеология, что и привело к его исчезновению. История борьбы марксизма с утопическим социализмом и их отождествления чрезвычайно важна как для исследования судеб марксистской теории, так и для оценки роли утопизма в современном мире, которая намного сложнее, нежели постулируемое её отсутствие.

Современное западное общество, отождествив утопизм с тоталитаризмом и отвергнув его, столкнулось с «дефицитом проектности» (термин С.Б. Переслгина). Ф. Мэньюэл характеризовал его так: «...поражает почти болезненное несоответствие между развитием практической науки и технологии, делающими возможным производство любой вещи, – и оскудение целей этого развития»¹. Это выводит нас к цели настоящего исследования.

Л. Мэмфорд в 1922 г. отмечал, что термин *utopia*, предложенный Т. Мором, двусмыслен, но при этом оппозиция исходных понятий *eutopia* – *eutopia* не отражает двусмысленности, присущей утопическому мышлению, в частности, его отношению к истории². По М. Мейснеру, «утопия есть продукт исторического изменения моральных идеалов, ...следовательно, отношения между исторической действительностью и историческими фактами – самые неустойчивые и сомнительные»³. Утопия описывает *желательное и совершенное будущее*, чаемое определённой эпохой и общественной стратой, но воспринимаемое как финальная фаза и завершение истории. Таким образом, в нравственном отношении утопия обязательно является *eutopia* – «хорошим местом», но исторически *не может быть utopia* – «местом, которого нет»!

Двусмысленность является причиной интеллектуальной и исторической «живучести» утопизма. Более того, это основание *исторической пользы* утопизма. М. Вебер указывал, что утопическая концепция всегда является актом про-

¹ Manuel F.E., Manuel F.P. Utopian Thought in the Western World. – Cambridge (Mass.), 1979. – P. 811.

² Mumford L. The Story of Utopias. – N. Y., 1962. – P. 1.

³ Meisner M. Marxism, Maoism and Utopianism: Eight Essays. – Madison, 1989. – P. 4.

тивостояния мыслителя и мира, ибо создаёт напряжённость между фактическим существованием и идеальным бытием (термины М. Вебера); порождает надежду на лучшее будущее, создавая существенные предпосылки для конкретных социальных действий, направленных на приведение реального мира в соответствии с заданным *a-priori* идеалом¹. Здесь также содержится двусмысленность: мы имеем перманентную борьбу за осуществление утопии, но не фактическое её осуществление; эта борьба является движущей силой исторического прогресса. (Этот тезис позволяет объяснить ускоренное развитие европейской цивилизации: интеллектуальное поле Запада обогатилось утопизмом.)

До наступления Просвещения данные антиномии не осознавались. XVIII в. вводит идею истории как прогресса: утопизм оказался сопряжённым с историческим оптимизмом². Джудит Шкляр в 1967 г. отметила: Т. Мор и его последователи не предполагали исторического оптимизма и политической активности. Однако «Утопия», «Город Солнца» или «Христианополис» отражали историческую действительность, современную их создателю, и включали более или менее радикальную критику существующего общественного строя³. О том же писал К. Каутский, когда утверждал, что «Утопия» Мора была картиной общества, полностью противоположного английскому социуму начала XVI в., но эта картина не предполагала будущих изменений в Англии⁴.

Возникновение утопизма (а не утопии как таковой) относится к концу XVIII в.⁵ Утопизм «питался» капиталистической экономикой, Просвещением как буржуазной идеологией и Французской революцией как попыткой воплощения идеи рационализма и торжества исторического прогресса. Утопизм сразу же стал фактором истории. Воплощением данных тенденций стал марксизм.

Марксизм парадоксально соединил самые величественные картины желательного будущего с самой уничтожающей критикой утопизма⁶. Несмотря на нежелание К. Маркса представлять детализированные проекты будущего, он сформулировал образ будущего коммунистического общества, где «свободное развитие каждого является условием для свободного развития всех»⁷. Развёрнутая характеристика будущего общества содержится в «Критике Готской программы»⁸. Некоторые дополнения к этим тезисам можно найти также в первом томе «Немецкой идеологии»⁹.

К. Маркс и Ф. Энгельс резко критиковали образы будущего, созданные представителями прочих социалистических движений, характеризуя эти образы как «утопические». Таким образом, в марксистском словаре термины «утопизм», «утопический» приобрели уничижительный оттенок.

¹ Weber M. The Sociology of Religion. – Boston, 1963. – P. 144.

² Сергейчик Е.М. Философия истории. – СПб., 2002. – С. 100–181.

³ Shklar J. The Political Theory of Utopia: From Melancholia to Nostalgia // Utopias and Utopian Thought / Ed. by F.E. Manuel. – Boston, 1967. – P. 105.

⁴ См.: Каутский К. Томас Мор и его «Утопия». – СПб., 1905. – С. 305, 313.

⁵ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 186–187.

⁶ Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. – N. Y., 1986. – P. 286. Ср.: Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. – М., 2003; а также: Вильчек В.М. Алгоритмы истории. – М., 2004.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – М., 1955. – С. 447.

⁸ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – М., 1961. – С. 20.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – М., 1955. – С. 34–35, 70–78.

Перед нами зримое противоречие: с одной стороны, Маркс и Энгельс отвергают утопизм, но, с другой стороны, невозможно отрицать наличие известного утопического элемента в марксистской теории. Маркс соглашался с тем, что некоторые утопические проекты принципиально осуществимы: «Но в этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих»¹.

В утопическом социализме Маркс и Энгельс критикуют не декларируемые цели, а методы, которыми эти цели достигаются. Здесь целый «букет» недостатков, в первую очередь – классовая и историческая ограниченность создателей утопических доктрин. «Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат находится ещё в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому своё собственное положение ещё фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствия прорыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»². По сути, марксистский анализ утопического социализма есть критика невнимания утопистов к истории и непризнания ими ограничений, налагаемых историческим процессом на ход общественного развития, отсюда – непонимание потенциальных «вызовов» (в тойнбианской терминологии) исторического прогресса.

Утопический социализм начала XIX в. был продолжением Просвещения с его антиисторизмом и почти религиозной верой в Разум, который сам собою (руками истинных его носителей) преобразует не только социальную действительность, но и окружающую среду в соответствии с утопическим идеалом, который и представлялся его носителю единственно рациональным. Все утописты этого периода сосредоточивались на человеке, откуда оставался один шаг до «теории героев». Энгельс писал об этом так: «До сих пор истинные законы разума и справедливости не были известны человечеству, и только по этой причине оно ими не руководилось. Не было просто того гениального человека, который явился теперь и который познал всю истину. Что появился именно теперь, что истина открыта только теперь, – это отнюдь не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежным событием, а просто счастливой случайностью. Гениальный человек мог с таким же успехом родиться пятьсот лет тому назад и тем избавить человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий»³.

Таким образом, социализм для утописта не является продуктом исторического развития общества, но религиозным концептом (эсхатологического генезиса). Любой утопист является убеждённым сторонником теории абсолютно благой природы человека, которой недостаёт лишь целеполагания; исторические условия игнорируются или считаются второстепенными. Способ достижения коммунизма сформулирован в понятиях строгого историзма. Классическая формулировка Маркса: «Люди сами делают свою историю, но они её делают не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – М., 1955. – С. 456.

² Там же.

³ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. – С. 23–24.

так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹.

Итак, методологические основания критики утопизма классиками марксизма сводятся, на наш взгляд, к следующим тезисам:

1. Утопическое мышление является анахронизмом в эпоху современного капитализма, так как капитализм является материальной основой для построения социализма; пролетариат – «агентом эмансипации человечества» (термин М. Мейснера).

2. Утопические социалисты не понимают исторического значения капитализма и отрицают историческую роль пролетариата.

3. Для социалистов-утопистов агентом социального действия является генный-преобразователь.

4. Утопические социалисты веруют, что социализм может быть реализован посредством этического примера, в частности, через создание образцово-показательных социальных общин и моральное увещивание общества.

5. Для социалистов-утопистов характерна склонность создания детализированных до абсурда картин светлого будущего².

Повторимся: классическая марксистская теория не свободна от проблемы утопической двусмысленности. В этом смысле марксизм сохранил важнейший атрибут утопизма: связав историческую неизбежность с моральными категориями, марксизм сделал утопию действующим субъектом исторического процесса. Марксизм далёк от разоблачения утопических картин прекрасного будущего, напротив, эта доктрина укрепила глубинные основания утопизма, социализм и коммунизм были провозглашены логически необходимым результатом объективных исторических процессов, осуществляющихся в настоящем. «Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой»³.

Утопизм как социальная практика. Утопическим является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его бытием⁴. Несоответствие проявляется в том, что утопическое сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом бытии. В понимании К. Манхейма, утопичной является лишь та трансцендентная по отношению к действительности ориентация, которая, переходя в действие, частично или полностью *взрывает существующий в данный момент порядок вещей*⁵.

В определении К. Манхейма видна неразделённость светского и духовного утопизма (в конечном итоге, именно господство католицизма в Европе породило утопию: перед мысленным взором любого мыслителя был образ альтернативной социальной структуры, претендующей на обладание высшим аксиологическим статусом и трансцендентной сущностью, т. е. Церкви как мистиче-

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. – М., 1957. – С. 119.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Гл. III. – С. 448–457.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – С. 34.

⁴ Манхейм К. Идеология и утопия. – С. 164.

⁵ Там же.

ского Тела Христова или Града Божия). Разница заключается в методе реализации утопического ожидания: уход от мира ради индивидуального спасения или же, напротив, мессианский поход «в люди»¹. Этот последний М. Вебер называл «коллективным революционным преобразованием мира в целях повышения этического статуса»². Одновременно утопизм предлагает систему ценностей, свободную от традиции, ориентирующую человека на некий новый путь достижения успеха.

Утопические представления только тогда становятся двигателем исторического процесса, когда обслуживают психологические и некоторые социально-экономические потребности угнетаемых и непривилегированных социальных групп³. Утопические видения будущего в значительной степени определяются и господствующими идеологиями⁴. Идеология служит целям легитимации существующего порядка вещей. Утопист не только предлагает «вызов» – картину грядущего, более привлекательного, нежели текущая реальность, в форме смутного «обетования», пророчества⁵, но ещё и предлагает общедоступный «ответ». Чаще всего, впрочем, эти проекты и пророчества остаются невостребованными. Любая ценностная система нуждается в массе носителей (как справедливо заметил П. Уорсли), но лишь изредка лидер-утопист оказывается в состоянии мобилизовать широкие массы⁶. Здесь вступает в силу личностный фактор, наименее поддающийся анализу: пространство взаимоотношений между лидерами и последователями.

Последнее ещё раз обращает наше внимание на отсутствие существенных различий между утопизмом светским и религиозным. «Вдохновение немногих делается убеждением масс»⁷. Действительно, точные границы между «религиозным» и «светским» утопизмом едва ли могут быть установлены, да и то окажутся сведенными лишь к лексике лозунгов.

К. Манхейм все массовые утопические движения, неотделимые от крупных социальных потрясений, свёл к религиозной форме, а именно – оргиастического хилиазма⁸. Массовые мессианские движения не предполагают длительного ожидания Земли Обетованной (как в физической, так и трансцендентной её форме), но требуют действия «здесь и теперь». «Для хилиаста ценность революции не в том, что она – неизбежное средство для достижения рационально поставленной цели; революция есть единственный принцип непосредственного присутствия – прорыв в мир Абсолюта»⁹.

¹ Подробнее см.: *Шацкий Е.* Утопия и традиция. – М., 1990. – С. 52–144.

² *Weber M.* The Sociology of Religion. – N. Y., 1962. – P. 125.

³ *Манхейм К.* Идеология и утопия. – С. 167. Ср. с высказыванием М. Вебера: «...классы, обладающие значительными социальными и экономическими привилегиями, едва ли станут разделять идею спасения. Скорее, они возложат на религию функцию легитимации: собственного образа жизни и положения в мире» (The Sociology of Religion. – P. 107).

⁴ О различии между утопиями и идеологиями см.: *Манхейм К.* Идеология и утопия. – С. 165–166.

⁵ См.: *Polak F.* Utopia and Cultural Renewal // *Utopias and Utopian Thought.* – P. 288.

⁶ *Worsley P.* The Trumper Shall Sound. – N. Y., 1968. – P. XIII.

⁷ *Bendix R.* Max Weber: An Intellectual Portrait. – Garden City, N. Y., 1962. – P. 259.

⁸ *Манхейм К.* Идеология и утопия. – С. 181–185.

⁹ Там же. – С. 184. Важным свойством революции, возникшей как феномен именно в Новое время, является то, что это – не восстание, направленное против какого-то конкретного угнетателя, а именно стремление к полному и систематическому преобразованию всего существующего общественного порядка (Идеология и утопия. – С. 273).

«Вечное» ожидание нуждается в расширении перспективы: возникает представление о лучшем мире, перемещённом в пространстве и во времени. Для хилиаста это представление не имеет первостепенного значения, его единственная функция состоит в фиксации той потусторонней точки, которая позволяет ожидающему чувствовать грядущее мгновение – вне *потока становления*. Хилиаст не соединяется с тем «дурным», что пребывает «здесь и теперь», он только наблюдает за ходом событий, ожидая момента, когда обстоятельства приведут к совпадению его внутреннего кипения с состоянием мира»¹.

В заявленной проблеме следует основное внимание уделять *активным и пассивным* формам выражения утопического сознания. «Пассивный утопизм» (воспользуемся этим термином за неимением лучшего) есть синоним «утопии» как литературного жанра, т. е. описания совершенного общества, чётко локализованного в пространстве и времени. «Активный утопизм» не только предлагает определённую альтернативную систему ценностей, но и создаёт структуры, воздействующие на массовое сознание, требует массового политического действия, преобразующего общество в соответствии с декларируемой системой ценностей².

Данная форма утопизма (в отличие от хилиазма, который новой системы ценностей не предлагает) возникла примерно к началу XIX в., т. е. является продуктом индустриальной эры,

Здесь уместно вернуться к охарактеризованной выше «двойственности» марксизма. Марксизм, рассматриваемый как форма утопизма, демонстрирует филогенетическое родство с обеими разновидностями утопизма. Задачей Маркса было радикальное преобразование мира, но оно должно было осуществляться постепенно, начиная с промышленно развитых стран, где должны были свершиться социалистические революции³. Однако Г.В. Плеханов и К. Каутский подвергли данный тезис ревизии: социализм стал мыслиться как более или менее автоматический результат деятельности объективных (и оттого – безличных) исторических сил и законов. Дальнейшая работа марксистских теоретиков свелась, по сути, к выкорчёвыванию из марксизма утопических элементов. С точки зрения Плеханова, силы исторического прогресса не имеют никакого отношения к человеческому сознанию⁴. Сближение исторического и естественно-исторического подходов к эволюции также не способствовало «выживанию» утопизма, ибо эволюционная концепция истории не предполагает конечной цели развития⁵.

Характерно, что, когда марксизм стал распространяться в промышленно слабо развитых странах (в частности в России), его характер стал стремительно меняться: на первое место стали выходить утопические цели – справедливого,

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. – С. 185.

² См.: Мартынов Д.Е. Западноевропейская утопия и утопическое мышление: некоторые особенности (опыт количественного анализа) / Рук., деп. в ИНИОН РАН. № 60050 от 31.10.2006. – 209 с. Каталог утопий: с. 88–177.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – С. 34.

⁴ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 4. – М., 1956. – С. 86.

⁵ Moore W.E. The Utility of Utopias // Amer. Sociological Rev. – 1966. – No 31. – P. 767. У. Мур отмечал, что сближение теории эволюции и марксистской исторической теории стал проводить ещё Ф. Энгельс (в своих поздних работах).

бесклассового общества – и методы их достижения, напоминающие миллениаристское движение...¹ Отличительными чертами разновидностей марксизма, распространившихся в слаборазвитых странах Востока (не исключая России), стали хилиазм и волонтаризм. Ни в России, ни в Китае не существовало предпосылок для осуществления социалистической революции по Марксу, но здесь то и вступал в силу хилиастский фактор: провозглашалась мобилизация всех сил и ресурсов для создания необходимых предпосылок «здесь и теперь» и начала строительства социалистического (или даже коммунистического) общества по ходу дела...

Таким образом, только преобразование марксизма в разновидность «активного утопизма» сделало его чрезвычайно успешной в первой половине XX в. доктриной. Однако в обстановке промышленно развивающегося общества марксизм превращается в идеологию (в худшем случае – суррогат религии), которая начинает приспосабливаться к различным моделям социума («государства всеобщего благоденствия» на Западе или корпоративной идеократии в СССР²). Таким образом, подтвердился тезис К. Манхейма: исторический процесс привёл к сближению утопии с исторической реальностью, хотя первоначально она была полностью трансцендентна реальности. Характер приближающей утопии менялся не только функционально, но и субстанционально³.

Марксизм как утопическая идеология (таков парадокс XX в.) сошёл с исторической сцены. Однако интеллектуальная история борьбы марксизма с утопическим социализмом и их отождествления чрезвычайно важна для исследователей как судеб марксистской теории, так и роли утопизма в современном мире, которая много сложнее, нежели постулируемое её отсутствие.

Summary

D.E. Martynov. Utopianism and Marxism: on the Problem of the Ratio.

The paper regards the problem of the ratio of utopian and scientific socialism. Marxism was created in mid 19th century as a scientific socialist doctrine opposed to utopian socialism. The political practice of first half 20th century showed that Marxism had potentialities of development only as an utopian ideology, which led to its disappearance. The history of the struggle of Marxism and utopian socialism and their identifications are extremely important for researching the destiny of Marxist theory and evaluating the role of utopianism in the modern world. This role is much more complex than its postulated absence.

Поступила в редакцию
09.10.07

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета.

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

¹ См.: *Достоевский Ф.М. Бесы* // Собр. соч. Т. 7. – Л., 1990. – С. 377–384, 391–397.

² См.: *Ulam A. The Unfinished Revolution.* – N. Y., 1960. – P. 45 и далее.

³ *Манхейм К. Идеология и утопия.* – С. 207.